

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
директор Центра региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
(г. Ростов-на-Дону)

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

DOI: 10.31249/rimm/2020.03.01

***Аннотация.** Россия – самая крупная в мире страна, государство-цивилизация, с присущим ей уникальным геополитическим кодом. Чтобы изменить этот код, идентичность нашей страны, заставить ее плестись в фарватере геополитических и внешнеполитических устремлений иных центров силы, на территории РФ и за ее внешними границами осуществляется целый ряд геополитических проектов, основанных на «жесткой силе» (hard power), «мягкой силе» (soft power), а также «умной силе» (smart power). Вместе с тем в силу масштабности территории России, наличия различных по своим характеристикам ее внутренних регионов внешними силами на различных направлениях задействуются разные проекты. В данной статье рассматриваются геополитические проекты основных внешних сил, проецирующих свое влияние на Юг России – территории субъектов Российской Федерации, входящих в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Здесь расположены восемь республик – Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Крым, Северная Осетия – Алания и Чечня,*

два края – Краснодарский и Ставропольский и три области – Астраханская, Волгоградская и Ростовская; всего – 14 субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: ваххабизм; геополитика; «коллективный Запад»; исламизм; пантюркизм; пантуранизм; Северный Кавказ; Юг России.

На Юге России, и особенно в его Северокавказском субрегионе, осуществляется целый ряд геополитических мегапроектов, среди которых выделим три наиболее серьезных для национальной и региональной безопасности нашей страны – западный (прежде всего, американский), арабо-исламистский (ваххабитский) и туранский (турецкий). Ведущим выступает западный проект, а два других, несмотря на их относительную автономность, активно поддерживаются США и их союзниками (так называемым «коллективным Западом»). В результате в регионе постоянно подогреваются сепаратизм, национализм, религиозный фанатизм, подолгу сохраняются очаги напряженности, взаимные территориальные претензии и т.д. Особенно активно в последние 25 лет здесь эксплуатируется религиозно-этнический фактор. Рассмотрим содержание и цели инициаторов этих геополитических мегапроектов подробнее.

Западный (американский, или евроатлантический) проект¹. Западный проект реализуется на внешнем и внутреннем для России измерении. На внешнем – идет неуклонное расширение НАТО и ее военной инфраструктуры на восток, территория РФ все в большей степени окружается американскими военными базами, по периметру ее границ возводится система ПРО, на территориях сопредельных государств Ближнего и Среднего Востока искусственно создается ситуация «регулируемого хаоса». Одновременно происходит расширение Евросоюза, и в состав его уже входят страны Балтии, а в настоящее время идет борьба за Молдавию, Украину, государства Южного Кавказа.

Таким образом, формируются угрозы национальной безопасности России: в непосредственной близости с ее границами, в странах Центральной и Восточной Европы и на постсоветском пространстве полным ходом идет создание «санитарного кордона» из бывших стран ОВД и бывших советских республик.

¹ См. об этом: *Добаев И.П.* Кавказский макрорегион в фокусе геополитических интересов мировых держав: история и современность. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. – 208 с.

Одновременно этот геополитический мегапроект предусматривает всестороннюю поддержку на территории России прозападно ориентированных партий, движений, многочисленных НПО и НКО, уже давно и небезуспешно здесь работающих. После распада СССР на территориях постсоветских государств, в том числе в Российской Федерации, появились представительства множества иностранных и международных организаций самого разного толка, подавляющее большинство которых занималось популяризацией рыночных отношений, принципов демократии в западном их понимании и общечеловеческих ценностей, влияя тем самым на процессы государственного строительства в постсоветских странах. С помощью зарубежных доноров создавались и вливались в глобальное гражданское общество многочисленные российские некоммерческие организации, численность которых, по данным Российского института стратегических исследований, к середине первого десятилетия нынешнего века превысила 600 тыс.¹

В этот же период в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа (ЮФО), было зарегистрировано около 14 500 некоммерческих организаций². При этом по данным правоохранительных органов, на территории округа действовало более 100 западных и прозападно ориентированных неправительственных организаций, фондов и мониторинговых сетей, занимавшихся политической деятельностью³.

Среди них – Датский совет по беженцам, Международный медицинский корпус, Международный комитет спасения, Ворлд вижн, Каритас Интернационалис (Чехия), Международное не-насилие, УКГВ ООН, УВК ООН по беженцам, Национальный фонд демократии (США), Международный фонд гражданских свобод,

¹ Петровская О.В., Филянова В.Н. Зарубежные неправительственные некоммерческие и религиозные организации в России. – М.: РИСИ, 2011. – С. 13.

² См. об этом подробнее: Добаев И.П., Дугин А.Г. Роль и место «цветных революций» в геополитических трансформациях в Каспийско-Черноморском регионе // Евразийский проект: кавказский вектор / Южнороссийское обозрение. Вып. 30. – 2005. – С. 66–95; Добаев И.П., Дугин А.Г. Геополитические трансформации в Кавказско-Каспийском регионе // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 5 (41). – С. 90–99; Добаев И.П. Геополитические интересы мировых держав в кавказском макрорегионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2006. – № 3–4. – С. 128–139.

³ Добаев И.П. Деятельность западных сетевых структур в ЮФО в контексте национальной и региональной безопасности // Конфликтология. – 2006. – № 1. – С. 142.

Агентство США по международному развитию, Freedom House, Международная амнистия, Human Rights Watch, Национальный демократический институт (США), Matra (Нидерланды), Открытое общество (Фонд Сороса), Правовая инициатива по России (Нидерланды), партийные немецкие фонды Ф. Эберта, К. Аденауэра, Р. Люксембург и др. На территории ЮФО действовали также различные политические и «научные» организации, мониторинговые сети, деятельность которых объективно играла на руку западным «партнерам» России¹. Среди них – Объединенный гражданский фронт (ОГФ), Российский народно-демократический союз, комитет «Гражданское содействие», общероссийское движение «За права человека», правозащитное общество «Мемориал» и др. Такие объединения, как правило, организовывали свою деятельность при поддержке зарубежных неправительственных организаций и финансировались ими. Об этом свидетельствует, в частности, разгоревшийся в январе 2006 г. шпионский скандал, связанный с подрывной деятельностью английских спецслужб, путем проведения тайниковых операций финансировавших деятельность ряда российских правозащитных организаций.

За неполные 30 лет работы иностранные неправительственные организации внедрили в России систему грантов и «приучили» некоторых ее граждан к гуманитарной помощи. При этом нередко даже цели и задачи российских общественных организаций формировались по подсказке из-за рубежа, а не исходя из национальных приоритетов². Отдельным и важным направлением деятельности вышеназванных и им подобных НПО по разворачиванию сетей считается молодежь, работа с которой проводилась в школах, средних и высших учебных заведениях, а также вне этих учреждений путем формирования различных молодежных структур и организаций. Например, на территории Ростовской области действовали многочисленные молодежные организации, созданные под гранты различных западных фондов. Среди них такие, как Молодежное правозащитное движение (правозащитные гранты), Эко – логика (экологические), Скифия, Центр развития местных сообществ и добровольческих инициатив «Помоги советом»,

¹ См. об этом подробнее: *Добаев И.П.* Сетевые структуры «оранжевых» в ЮФО: угрозы национальной и региональной безопасности России // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 190–199.

² *Петровская О.В., Филянова В.Н.* Указ. соч. – С. 13.

Российский союз навигаторов / скаутов, реализовывалась группа проектов «Новая цивилизация» и т.д.

Активность на территории России и ее регионов западных и прозападных НПО побудила российские власти предпринять решительные шаги по законодательному ограничению их деятельности на своей территории, в результате чего 10 января 2006 г. был принят Федеральный закон № 18-ФЗ о внесении дополнений в Закон «О некоммерческих организациях». Поправки к закону привели к существенному сокращению численности иностранных некоммерческих организаций и повышению контроля над их деятельностью со стороны государственных органов, однако кардинально проблему не решили.

Как следствие, в 2012 г. в Госдуму был внесен законопроект, требующий большей открытости в деятельности НКО, осуществляющих политическую деятельность в России, но финансируемых из-за рубежа. Было предложено считать их иностранными агентами и вносить в реестр. По данным инициаторов этого законопроекта, в России в тот период действовало более 230 тыс. НКО. При этом на их финансирование расходовались десятки миллионов долларов, но только треть средств поступала безналичным путем, причем примерно 70% средств поступало из бюджетов иностранных государств, 20 – от транснациональных корпораций, 10% – частные пожертвования. Что касается российских правозащитников, то 90–95% средств они получали в виде грантов зарубежных доноров¹. В 2019 г. этот закон и соответствующая правоприменительная практика были существенно расширены. Однако деятельность прозападных НКО на территории России хотя и осложнена, но не пресечена.

Следует подчеркнуть, что западный (американский) геополитический мегапроект на Юге России реализуется в том числе путем манипуляции и управления Вашингтоном другими участниками геополитической игры. Имеются в виду, прежде всего, туранский (турецкий) и арабо-исламистский («ваххабитский») проекты. Первое впечатление таково, что эти проекты далеки друг от друга и никак не взаимодействуют друг с другом. Однако оно обманчиво, потому что за обеими модификациями давно стоят цели США – НАТО и проекта «Большой Кавказ». Не случайно на сего-

¹ Панов В. За чей счет «банкет»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stoletie.ru> (дата обращения: 02.07.2012).

дня ни один из этих проектов не является самостоятельным и доминирующим.

Арабо-исламистский («ваххабитский») мегапроект реализуется в регионах России, прежде всего, Королевством Саудовская Аравия и следующими в фарватере ее внешнеполитических устремлений монархиями Персидского залива, среди которых особо следует выделить богатый энергоресурсами Катар. Их целью является распространение на территории Российской Федерации идеологических установок «чистого ислама» («исламизма»), стимулирование на этой основе сепаратистских настроений в среде российских мусульман, отрыв населенных ими территорий от России, создание на них «исламского государства», живущего по шариату¹.

Анализ идеологических доктрин северокавказских радикальных исламистов, особенностей их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, каналов финансовой подпитки регионального экстремизма и терроризма свидетельствует о весомом внешнем влиянии и даже внешнем участии².

Так, идеология современного джихадистского (террористического) движения, продвигаемая саудитами и их союзниками, зиждется на постулатах, выдвинутых в свое время приверженцами радикального фундаментализма, – арабскими учеными, политиками и богословами Ибн Ханбалой, Таки ад-Дином ибн Таймийей, М. Ибн Абд аль-Ваххабом и их современными последователями – С. Кутбом, М. Шукри, М. Фараджем, А. аз-Завахири и др. В свою очередь, основу идеологической доктрины радикальных исламистов составляют два неперенных, системообразующих, органично присущих салафизму (исламскому фундаментализму. – И.Д.) положения – о такфире³ и джихаде⁴, которые исламистами трактуются в отрыве от мусульманской ортодоксии. Ее призыв основывается на очевидной простоте, доступности и непротиворечивости

¹ Добаев И.П. Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 3. – С. 64–74.

² См. об этом подробнее: Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014. – 332 с.

³ Добаев И.П. Исламистский «такфир»: определение «врагов ислама» // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 1 (311). – С. 83–101.

⁴ Добаев И.П. Священная война в исламе: сущность, идеология, политическая практика // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 2 (312). – С. 112–128.

идеологических аргументаций, четком определении «врагов ислама» и необходимости ведения против них «джихада». Все это находит отклик и понимание в среде некоторой части молодых мусульман, как правило маргиналов, не слишком образованных в традиционном мусульманском вероучении.

Обзор этапов развития идеологической доктрины радикальных исламистов в России и, в частности, на Северном Кавказе свидетельствует о привнесении на территорию регионов России практически всех идеологических постулатов радикального исламизма, об экзогенности идеологического фактора в деятельности все еще сохранившегося северокавказского бандподполья. Это подтверждается, в частности, тем, что лидеры российского исламизма до сих пор не смогли создать ни одного оригинального произведения, которое позволило бы говорить о появлении у северокавказских исламистов собственной политической идеологии, соответствующей современным реалиям. Общие рассуждения о необходимости введения шариата не могут компенсировать отсутствие социально-политической программы у этого движения.

Что касается структурного оформления северокавказских исламистских организаций, то и здесь очевидны внешние заимствования. Так, начало 2000-х годов, вследствие начавшейся возглавляемой США международной антитеррористической кампании, ознаменовалось сломом иерархических структур международных террористов типа «Международного фронта джихада» и «Аль-Каиды»¹. Они были преобразованы в сети – частично централизованные, децентрализованные и полностью автономные. В результате в мире сложился целый ряд сетевым образом оформленных террористических кластеров – на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке и т.д. Связующими элементами этих кластеров и входящих в них структур стали общность идеологий и конечных целей, заключающихся в построении «исламских государств», а в перспективе – единого мусульманского халифата, жизнь по нормам шариата².

Сетевое построение диверсионно-террористического подполья на Северном Кавказе сложилось позже – во второй половине

¹ Добаев И.П. Экстремистские неправительственные религиозно-политические организации как средство геополитики исламского мира // *Философия права*. – 2002. – № 2 (6). – С. 91–100.

² Добаев И.П. Роль и место исламского радикализма в геополитике Кавказа // *Российская Федерация сегодня*. – 2002. – № 4. – С. 23–35.

первого десятилетия нового тысячелетия («Имарат Кавказ» – 2007 г., а с 2014 г. – «Велайат Кавказ»), под влиянием общих тенденций в «мусульманском мире», а также в связи с изменением военно-политической ситуации в регионе, что позволяет говорить о мощном внешнем влиянии на процесс институционализации северокавказского джихадистского движения, его структуру и систему организации, а также о сформированном в регионе северокавказском террористическом кластере, являющемся органичной частью сетевых структур международного терроризма. Вместе с тем сложившаяся на Северном Кавказе террористическая модель основательно адаптирована под локальные социальные и этнополитические условия. Живучесть этой системе придает сращивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями¹.

Вместе с тем идеолого-пропагандистская и информационная деятельность международных такфиритов-джихадистов выступает дополнительным, не основным видом деятельности экстремистов и террористов и призвана обеспечивать постоянный приток носителей идеологии радикального исламизма в ряды «моджахедов», а также оправдывать соответствующими псевдорелигиозными постулатами специфическую диверсионно-террористическую практику боевиков. Исламистски обусловленный терроризм, как специфическая политическая практика, постоянно видоизменяется, приспособляясь к динамическим трансформациям в мире и регионах. В настоящее время в разных странах террористы применяют адресные и безадресные акции, при проведении большинства терактов используется тактика действий с применением легкого стрелкового оружия, ручных гранатометов, подрыва бомб, похищения людей и т.д. На общем фоне эскалации террористического насилия продолжает актуализироваться наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников.

Что касается северокавказских сепаратистов, то они практически копируют формы и методы осуществления идеолого-пропагандистской и диверсионно-террористической деятельности своих зарубежных единомышленников. Явным внешним заимствованием стал начиная с 2000 г. терроризм смертников, который исторически

¹ Добаев И.П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 1. – С. 54–58.

никогда прежде не фиксировался на Северном Кавказе. При этом главный вектор террористической активности в Северокавказском регионе был направлен в основном против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства. В то же время вне Северокавказского региона террористы, как правило, осуществляли и до сих пор готовят свои разрушительные операции в местах массового скопления людей, преимущественно из числа гражданского населения (например, теракты в Москве, Беслане, Волгодонске, Кавказских Минеральных Водах и т.д.).

И наконец, террористическая деятельность была бы практически невозможна без ее финансового обеспечения. Источниками финансирования террористических организаций могут быть внешние и внутренние поступления. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств, религиозных учреждений, коммерческих и некоммерческих организаций, индивидов, населения и диаспор, а также от террористических ячеек. Эти каналы применительно к Северному Кавказу преобладали в 90-х годах XX в. К источникам внутреннего финансирования следует причислить доходы, получаемые от легального и нелегального бизнеса, а также прочие доходы, к которым можно отнести членские взносы в рамках действующей террористической организации, помощь богатых террористов, а также и рэккет. Одновременно следует констатировать, что в последнее десятилетие процессы глобализации экономики и переход к сетевой структуре организации трансформировали роль финансовых источников террористических группировок, снизив долю внешних поступлений и одновременно увеличив и диверсифицировав – внутренних. Таким образом, террористические группировки в финансовом плане стали все более автономными и самодостаточными.

В начале нового тысячелетия реальная структура финансирования террористического подполья на Северном Кавказе представляла собой разветвленную сеть, непрерывно меняющую свою географию и структуру, общий объем циркулирующих средств, долевые соотношения различных источников. Главным источником финансирования стало вымогательство, получившее теоретическое обоснование в качестве «налога на джихад». Из общих тенденций последних лет можно выделить также сокращение поступлений из внешних источников и, как и в других регионах мира, усиление внутренней финансовой подпитки терроризма, диверсификацию

внутренних источников, а также постепенную финансовую «оптимизацию» деятельности бандподполья, которое в условиях жесткого прессинга со стороны государства перешло на режим самоограничения, научилось достаточно экономно и эффективно расходовать сократившиеся объемы финансовых поступлений.

Рассмотрение четырех важнейших сфер развертывания терроризма под прикрытием ислама на Северном Кавказе – идеологической, структурно-организационной, практической (имеются в виду формы и методы осуществления террористами специфической политической практики) и финансово-экономической – позволяет говорить о весомости воздействия внешнего фактора на процесс возникновения, идеологического обоснования и функционирования джихадистского движения в Северокавказском регионе России. Прежде всего, это было связано с идеологической, финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в рядах северокавказских боевиков в разные периоды значительной группы зарубежных «моджахедов» из многих стран Ближнего и Среднего Востока, других уголков «исламского мира». Разноплановая и массивная внешняя помощь выступала весомым фактором радикализации здесь «ваххабитского» движения. Роль в этом монархий Персидского залива во главе с Саудовской Аравией выглядела беспрецедентной¹.

Совершенно очевидно, что ситуация за последнее десятилетие качественно хотя и изменилась, но внешнее (экзогенное) воздействие на региональные этнополитические процессы по-прежнему остается весомым, существенно подпитывая внутренние (эндогенные) конфликтогенные факторы, характерные для современного российского Северного Кавказа. Вместе с тем жестокость «моджахедов» не только по отношению к иноверцам, но и к тем мусульманам, кто противостоит им (например, местная полиция), не могла не создать вокруг них зону отчуждения, привела к сокращению базы их социальной поддержки. Кроме того, как верно отмечает отечественный исламовед С.Я. Суций, «неизвестно, насколько были честны и искренни в своих радикалистских убеждениях А. Астемиров и другие деятели подполья, мотивировавшие создание террористической системы налогообложения местной экономики задачами установления в регионе социально справедливого общества, основанного на законах шариата. Но диалектика

¹ *Добаев И.П.* Северный Кавказ: процесс «растекания джихада» // Россия и мусульманский мир. – 2009. – № 9. – С. 50–61.

развития такова, что, включившись в качестве еще одного звена в существующие социально-экономические коррупционные схемы, “борцы за справедливость и религиозную чистоту” стали немедленно эволюционировать в еще одну криминальную крышу местных административно-управленческих и экономических кланов¹. Все это не могло не скомпрометировать в существенной мере в глазах местного населения осуществляемый в регионе арабо-исламистский проект.

Ситуация усугубилась после нейтрализации Д. Умарова в ноябре 2013 г. Именно тогда начался разворот северокавказских исламистов с «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена на «Исламское государство» (ИГ) Абу Бакра аль-Багдади. Тогда вместо проекта «Имарат Кавказ» появился новый проект «Вилайет Кавказ», а многие местные боевики отправились в Ирак и Сирию сражаться в составе ИГ. В сентябре 2015 г. в борьбу с террористами на территории Сирии включилась Россия. Одновременно по оставшимся на Северном Кавказе структурам радикальных исламистов были нанесены сокрушительные удары российскими силовиками. В результате сегодня малочисленные деструктивные группировки радикальных исламистов приобрели характер автономных, а также «спящих ячеек», практически безо всякой иерархии.

Туранский (турецкий) мегапроект. После интеллектуального провала арабо-исламистского проекта не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе кураторство над оставшимся в регионе бандподпольем перешло преимущественно к спецслужбам Запада и отчасти Турции. Задачей идеологов экстремизма стало создание новой и уже единой модификации информационно-идеологической матрицы – модели желаемого будущего².

Современная Турция стремится вернуть себе лидирующее положение в регионе Балкан и на Большом Кавказе и далее – во всем исламском мире³. Исследователь И.И. Иванова, отмечая уси-

¹ Суций С.Я. Исламский радикализм в современной России (эволюция, формы, факторы роста) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2013. – № 5 (177). – С. 146.

² См. об этом подробнее: Мурклинская Г.А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Вып. 72. – М. – Ростов н/Д.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2012. – С. 8–36.

³ Добаев И.П. Геополитика Турции на Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 1999. – № 1. – С. 10.

ление ислама в странах Ближнего и Среднего Востока в 70-е годы XX в., писала: «Исламский фактор выявился в необходимости для турецкого руководства делать заявления о том, что Турция является “истинно исламской страной”, и готова развивать с “братьями по религии” отношения в самых различных сферах; во введении с 1982 г. в начальных и средних школах обязательного религиозного образования; в арестах наиболее радикальных религиозных деятелей и запрете политических организаций; в попытке выступить посредником в региональных спорах между исламскими государствами; в использовании лозунга исламской солидарности»¹.

Предлагаемая сегодня Турцией модель учитывает и использует исламский фактор и встраивает панисламитизм как вспомогательный фактор для вовлечения в свою орбиту нетюркских народов. Основная идея панисламистского проекта заключается в том, что ислам должен стать «третьей мировой системой», как того хотят мусульманские идеологи, с достижением необходимой степени интеграции мусульманских стран во всех сферах: экономической, политической, идеологической, военной и т.д., способствует целям Турции, но при условии доминирования в создаваемой модели пантюркистских целей².

Таким экспортным вариантом пантюркизма для мусульманских регионов России вполне мог стать геополитический проект, в свое время предложенный адептами радикальной секты «Нурджулар». Это международное религиозное общество было создано в начале XX в. в Турции. Основатель общества – Саид Нурси, автор 14-томного сочинения «Рисале-и Нур» («Источник света»). При жизни Саид Нурси имел около 5 млн последователей. После смерти лидера 40 его учеников образовали 40 самостоятельных течений, названных их именами. Несмотря на некоторые принципиальные отличия, цель общества и идеология едины, а именно: добиться реального влияния и управления в тюркоязычных и мусульманских странах. Для достижения этих целей поставлена задача по вовлечению в свои ряды новых сторонников, их воспитанию в своих учебных заведениях и внедрению в государственные,

¹ Иванова И.И. «Исламский фактор» в политике турецкого руководства после военного переворота 1980 года. – М., 2007. – С. 127–139.

² Добаев И.П. Пантюркизм как идеологическое обоснование политики Турции в отношении Кавказа // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2001. – № 3. – С. 15.

военные, правоохранительные структуры, органы власти в стране пребывания.

Наиболее мощным в организационном и финансовом плане течением «Нурджулар» является направление «Фетхуллахчилар», лидером которого является турецкий миллиардер Фетхуллах Гюлен, бывший имам мечети города Измир. После военного переворота 1980 г. он был вынужден эмигрировать в Европу, а затем в США, где объединил в своих рядах выходцев из Турции и Балканских стран. Одним из основных методов привлечения сторонников в секту является воздействие и пропаганда своих идей через средства массовой информации.

Труды Нурси и его последователя Фетхуллаха Гюлена запрещены во многих странах, в том числе и в самой Турции. В книгах нурсисты призывают свергать светские правительства и заменять их шариатскими. По данным западных спецслужб, нурсисты связаны с террористической организацией «Серые волки»¹. В ее планы входит подготовка боевиков-камикадзе, а также учеников, которые в будущем должны занять ключевые посты в экономике, науке и управленческих структурах разных стран, в том числе и России.

Лидер радикальной исламской организации Фетхуллах Гюлен и его сподвижники не скрывали, что главная их цель – захватить Россию без всякого джихада. Сам Гюлен в настоящее время находится в международном розыске за подготовку к насильственному изменению конституционного строя у себя на родине (Турции), заочно приговорен к 10 годам лишения свободы, однако по сей день вполне комфортно проживает в США. Оттуда он вполне легально осуществляет операции по финансированию идеологической и диверсионно-террористической деятельности отделений «Нурджулар» на территории многих стран, в том числе в собственно Турции и России. Власти Турецкой Республики, по всей видимости, не беспочвенно обвиняют Гюлена в организации очередного неудавшегося военного переворота в 2016 г.

Акцент на сферу образования – специфический «почерк» «Нурджулар». Гюлен изначально уделял большое внимание образовательным проектам, логично полагая, что за молодежью – будущее. Социальную базу «Нурджулар» и других подобных сект

¹ «Серые волки», одна из старейших пантюкистских организаций, имеет последователей среди националистически настроенной интеллигенции в некоторых республиках Северного Кавказа – особенно была популярна в начале 90-х годов XX в.

составляет в основном та часть мусульман, которая в ходе модернизаторских проектов оказалась вне привычных социальных ориентиров, вне привычной социальной ниши (как правило, это – молодежь). Основной причиной привлекательности таких проектов является включение в их идеологические доктрины исламского компонента. В свою очередь, особенности самого исламского вероучения, заключающиеся в наличии в нем достаточного количества положений радикального характера (джихад, трактуемый как священная война, борьба в первую очередь не с дурными наклонностями, а с инакомыслящими, как мусульманами, так и представителями других религий). Молодежь просто стремится восполнить недостаток знаний и жизненных установок, идеологических ориентиров обращением к первоосновам мусульманской религии.

Интересно, что в 90-е годы статьи Фетхуллага Гюлена публиковались почти во всех российских исламских газетах, а его произведения на русском языке продавались повсеместно. Кроме того, его последователи почти десять лет преподавали в ряде исламских учебных заведений, в том числе на Юге России, открыто проповедуя свои взгляды при поддержке весьма высокопоставленных региональных чиновников.

Например, в Дагестане для отбора перспективной для последующей вербовки молодежи строились турецкие колледжи. Поскольку нурсисты хорошо вписывались в традиционную дагестанскую исламскую структуру и не позиционировали себя в качестве ее антагонистов как «ваххабиты», стоящим за ними спецслужбам было удобнее работать по этой модели. Те же дагестанские нурсисты, став предварительно мюридами «нужного» шейха и вступив в «нужную» политическую партию, прекрасно адаптировались в систему власти в республике¹.

Слушатели, находившиеся, как правило, на полном довольствии, пять раз в неделю слушали лекции по вопросам истории и божественного предназначения пантюркизма, «избранности»

¹ Большинство турецких последователей «Нурджулар» – крупные бизнесмены, которые создали целую империю капитала, контролирующую за границей влиятельные медиаструктуры. В 35 странах работают более 300 подконтрольных братству школ и университетов. Почти десять лет на Северном Кавказе действовали фонд «Торос» и фирма «Эфляк», в Поволжье – фирма «Серхат», в Хакасии и Бурятии – фонд «Уфуку», в Поволжье, Москве, Минске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге – фонд «Толеранс». За неполные 15 лет «Нурджулар» через подведомственные структуры открыл на территории России 24 спецшколы, один университет, одно университетское отделение, три языковых института.

турецкой версии ислама и его особой роли в жизни человечества. Наиболее прилежные студенты иностранных колледжей получали направление на учебу в Турцию для более фундаментального освоения пантюркистской теории и практики. Наиболее одаренным из них предлагалось улучшение жилищных условий, оказание помощи в поступлении в престижные учебные заведения Турции, Великобритании, Франции, Германии и США, а по окончании обучения – хорошая работа в крупных турецких фирмах, компаниях и представительствах по месту проживания каждого кандидата.

При этом идеологи «Нурджулар», понимая, что за одно поколение невозможно переориентировать на протурецкий путь развития целые народы и регионы, в проповедях указывали, что их последователям необходимо привлекать своих детей, и только тогда они добьются успеха. В качестве учебного пособия радикальные тюркисты-исламисты на своих уроках использовали хорошо изданную на многих языках, но пока еще воображаемую карту будущего великого «тюркского мира». В центре мироздания, естественно, Турция, которая прирастает Северным Кипром, Азербайджаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном. К этому же «миру» пантюркистские картографы относят многие районы России, Китая, Ирака, Ирана, Монголии, Афганистана и других ныне суверенных государств.

Обучение происходило как в совместных лицеях по месту жительства, так и с вывозом в Турцию. Так, в 1997 г. сектой была организована доставка в Турцию из Чечни около 20 детей школьного возраста, которые проходили обучение в религиозном учебном заведении в районе г. Денезли. Организаторы лицеев пытались «включить» тюркский фактор, максимально «отрезая» российское влияние. Причем не рубили сплеча, а внушали эти идеи исподволь.

Существование совместных лицеев и колледжей создавало необходимую правовую основу для длительного пребывания на территории Северного Кавказа неограниченного количества граждан Турции и благоприятные условия для осуществления разведывательно-подрывных акций. В Россию въехало и занималось целенаправленным сбором информации об общественно-политической ситуации в регионе, экологическом состоянии Каспия и его правовом статусе, нефтегазовом комплексе, межнациональных и межконфессиональных отношениях, источниках конфликтогенных факторов, местах дислокации войск и т.д. большое количество граждан Турции. Позднее выяснилось, что многие из них принадлежали к различным националистическим и экстремистским

партиям и братствам пантюркистского направления и специально приехали в мусульманские регионы России с целью распространения своих идей. В этих целях турки устраивались соискателями в аспирантуры при местных вузах и под предлогом выполнения диссертационных работ направляли письменные информационные запросы в различные министерства и ведомства, используя сложившиеся связи, выходили непосредственно на носителей интересующей их информации, выезжали в районы с компактным проживанием тюркоязычных народов. Как правило, собранные в ходе таких «научных экспедиций» материалы, мягко говоря, выходили за рамки их научных тем.

В силу вышеуказанных обстоятельств деятельность дагестано-турецких учебных заведений была признана незаконной и подлежащей прекращению в судебном порядке¹. Аналогичные решения были приняты в других субъектах Российской Федерации.

Вместе с тем не следует упускать из виду то обстоятельство, что современный виток определения идентификации России и ее регионов происходит в период тектонических геополитических сдвигов в международных отношениях. Агрессивный западный либерализм, экстремизм и терроризм, прикрывающиеся исламом, пантюркизм и пантуранизм в данном контексте выступают средством давления на мировую и региональную политику, обеспечивая реализацию глобальных интересов сил, порой весьма далеких от интересов не только народов России, но и зарубежных мусульман, в том числе мусульман-тюрков. Сегодня все три вышеуказанных геополитических проекта, реализуемых на территории России, в той или иной мере утратили свой потенциал. Однако это вовсе не означает, что при возникновении определенных условий их инициаторы вновь не попытаются восстановить утраченные позиции. Отсюда следует, что списывать их с геополитических счетов преждевременно. Эти процессы по-прежнему должны оставаться в поле зрения российских властей и научного сообщества.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ В августе 2002 г. в Дагестане были ликвидированы несколько международных дагестанско-турецких колледжей и лицеев, действовавших на территории республики с нарушением установленного законодательства. В конце мая 2007 г. суд Москвы признал экстремистскими русские переводы 14 книг турецкого философа Саида Нурси. То, что эти книги являются экстремистскими, доказала социально-психологическая и психолого-лингвистическая экспертиза текстов, выполненная Институтом языкознания РАН и Институтом психологии РАН.